

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2004 г. В.В. ПОТАПОВ

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ СИДОРОВ

(к столетию со дня рождения)

В декабре 2003 года исполнилось сто лет со дня рождения известного русского языковеда и педагога Владимира Николаевича Сидорова – специалиста по истории русского языка, описательной и исторической фонетике и фонологии, орфоэпии, диалектологии, теории лингвистической географии и орфографии русского языка (об этом см. также [Потапов 2003а; 2003б]). Наряду с Р.И. Аванесовым, П.С. Кузнецовым, А.А. Реформатским, А.М. Сухотиным он являлся одним из создателей Московской фонологической школы (МФШ).

Владимир Николаевич Сидоров родился в семье педагога (впоследствии его отец – Николай Павлович Сидоров – преподавал древнерусскую литературу и фольклор в МГПИ им. В.П. Потемкина). Родом Владимир Николаевич Сидоров был из интеллигентной семьи. Дедушка по материнской линии был священником и преподавал в духовной семинарии в Рязани. Владимир Николаевич имел брата, Бориса Николаевича, известного генетика, ученика А.С. Серебровского, и сестру, Ольгу Николаевну Комову, челюскинку. В.Н. Сидоров был широко образованным человеком и интересным собеседником. Он прекрасно знал поэзию, театр, музыку и живопись.

В 1921 г. В.Н. Сидоров поступил в Первый Московский университет на этнологический факультет (отделение литературы и языка, цикл русского и славянских языков). Слушал лекции, которые читали ученики Ф.Ф. Фортунатова (основоположника формально-лингвистического направления в исследовании языка – главы так называемой московской лингвистической школы) – Н.Н. Дурново, М.Н. Петерсон, А.М. Пешковский, Д.Н. Ушаков и близкий к московской школе А.М. Селищев, – В.Н. Сидоров становится последователем этой школы. В своих работах он неизменно проводит в жизнь основное ее положение: язык – это система.

Будучи студентом, В.Н. Сидоров принимает участие в диалектологических экспедициях в Воскресенский и Можайский уезды Московской губернии, организованных Постоянной комиссией по диалектологии русского языка АН СССР, членом которой он избирается в 1927 г. Результатом поездок была дипломная работа "Описание говора западной половины Воскресенского уезда и Ореховской волости Можайского уезда Московской губернии".

В 1926 г. В.Н. Сидоров окончил Первый Московский университет. Работал научным сотрудником Государственного музея Центральной промышленной области, старшим научным сотрудником Научно-исследовательского института языкознания (Москва), Арктического института ГУСМИ в Красноярске, Института русского языка и Института языкознания АН СССР (Москва), преподавателем и доцентом Московского и Красноярского педагогических институтов, а также Московского

университета. Наряду с этим он участвовал в этнографических и диалектологических экспедициях, изучал говоры рязанской Мещеры и переходные говоры Тульской области, выступал с докладами-отчетами на заседаниях Постоянной комиссии. В 1944 г. защитил кандидатскую, в 1963 г. – докторскую диссертацию.

С 1927 по 1931 годы В.Н. Сидоров в соавторстве с Р.И. Аванесовым и Л.Б. Перельмуттером пишет и издает учебники и пособия для общеобразовательных курсов, школ молодежи и педагогических техникумов. В 30-х годах Владимир Николаевич совмещает собственно научную работу в Научно-исследовательском институте языкознания (в секторе истории русского языка и в секторе по изучению грамматики и типологии языков народов СССР) с преподаванием в Редакционно-издательском институте и в МГПИ им. В.П. Потемкина.

Во время войны В.Н. Сидоров с семьей эвакуируется в Красноярск. В 1944 г. Владимир Николаевич возобновляет педагогическую работу в МГПИ им. В.П. Потемкина и в этом же году поступает в Институт русского языка АН СССР, где работает вначале в секторе диалектологии, а затем в секторе истории русского литературного языка.

Лингвистические интересы В.Н. Сидорова были широки и разнообразны. Анализируя звуковой строй современного русского языка, Владимир Николаевич Сидоров вместе с Рубеном Ивановичем Аванесовым заложил основу Московской Фонологической Школы (МФШ).

По словам В.Н. Сидорова, он и другие московские фонологи при разработке своей теории исходили из идей Н.Ф. Яковлева и Г.Г. Шпета и не испытывали влияния Ф. де Соссюра. Владимир Николаевич считал, что в "Курсе общей лингвистики" Ф. де Соссюра фонетика в основном изложена традиционно, новым является только определение фонемы. С определением фонемы как пучка различительных признаков, выдвинутым Р. Якобсоном, В.Н. Сидоров не соглашался, так как с его точки зрения различия по месту, способу образования и т.д. становятся очевидными в основном с позиции физиологии [Борунова 1996].

В группу молодых лингвистов, назвавших себя "Новомосковской школой" (термин А.А. Реформатского), в отличие от Московской школы Ф.Ф. Фортунатова, входили (кроме Р.И. Аванесова и В.Н. Сидорова) П.С. Кузнецов, А.А. Реформатский и А.М. Сухотин.

Фонологическая теория МФШ была следствием практической деятельности Р.И. Аванесова и В.Н. Сидорова, их успешных попыток представить фонетическую (звуковую) сторону русского языка как систему. В этой работе большую роль сыграли их занятия диалектологией. Будучи участниками антропологической экспедиции по изучению Нижегородско-Вятского края, Р.И. Аванесов и В.Н. Сидоров объездили огромные пространства. Результатом поездок было описание фонетики северного Повятлужья, которое стало одним из подступов к созданию фонологической теории [Аванесов, Сидоров 1931].

Чисто фонологические взгляды московских лингвистов, по воспоминаниям В.Н. Сидорова и А.А. Реформатского, во многом оформились под влиянием одного из крупнейших лингвистов – востоковеда Н.Ф. Яковлева, работавшего в те годы в комитете по созданию алфавитов для бесписьменных языков народов СССР. В статье "Реформа орфографии..." было дано обоснование фонемы как знака, обладающего смысловозначительной функцией.

Позже в "Очерке грамматики русского литературного языка" в разделе "Фонетика" Р.И. Аванесов и В.Н. Сидоров дали толкование фонемы и системы фонем. Были сформулированы понятия фонетической позиции (т.е. положения фонемы в слове), сильной и слабой позиции, даны определения видоизменений (модификаций) фонемы. В дальнейшем В.Н. Сидоров пришел к необходимости выделения так называемой гиперфонемы в тех случаях, когда звук в слабой позиции не чередуется со звуком в сильной позиции (так, в слове *собака* – гиперфонема *о/а*). В свое время за идею гиперфонемы его и Р.И. Аванесова обвинили в агностицизме, "...как будто

они говорили о непознаваемости фонемы" [Борунова 1996: 77]. В последующие годы фонологическая теория МФШ получила широкое признание и распространение.

Основополагающая концепция системы фонем русского языка изложена в работе Р.И. Аванесова и В.Н. Сидорова "Система фонем русского языка", которая была составной частью "Очерка грамматики русского литературного языка" (1945) [Аванесов, Сидоров 1970б]. В этой работе дается такое определение фонемы: "...самостоятельные звуковые различия, которые служат знаками различия слов языка, называются фонемами; звуковые же различия несамостоятельные представляют собой видоизменения этих фонем в определенных фонетических условиях" [Аванесов, Сидоров 1970б: 249]. Фонема выступает не обязательно в каком-то одном звучании, а в ряде звучаний, которые представляют собой ее разновидности. Каждая фонема проявляется в определенных разновидностях, и каждая из таких разновидностей выступает в строго определенных фонетических условиях.

Разновидности одной фонемы взаимно исключают друг друга в одной и той же позиции и, наоборот, взаимно замещают друг друга в разных позициях. Следовательно, одна разновидность данной фонемы по отношению к другой разновидности той же фонемы не может выступать в качестве средства для различения слов. Различия между разновидностями фонемы обусловлены фонетическим положением, т.е. фонетической позицией, которая определяет в каждом конкретном случае наличие одной определенной разновидности фонемы. Данные разновидности зависят от условий сочетания звуков (например, от положения фонемы перед или после определенных звуков) или от положения фонемы в слове (например, в начальной или конечной позиции слова, в ударном или безударном слоге). Фонема всегда обозначается по своему основному виду, а остальные ее разновидности можно рассматривать в качестве видоизменений основного вида фонемы. Авторы определяют совокупность этих видоизменений, выступающих в слабых позициях, как **модификации фонемы**. Эти модификации фонем по своей функции, т.е. по той роли, которую они играют в системе знаков для различения слов, подразделяются на два типа – вариации и варианты.

Вариации – это такие обусловленные позицией модификации основного вида фонемы, при которых не происходит совпадения в одном звучании конкретной фонемы с какой-либо другой. Вариация – это позиционно обусловленный звуковой синоним основного вида фонемы.

Варианты – это позиционно обусловленные модификации фонемы, которые не различаются с какой-либо другой модификацией фонемы, совпадая с ней в своем качестве. Вариант выступает в роли заместителя двух или более фонем, не различающего функции совпавших фонем.

Задача последовательного, целостного описания фонетической системы решается во многих работах, посвященных как литературному языку, так и диалектам. При таком описании пришлось развернуть и систему основных фонологических понятий. В работах Р.И. Аванесова и В.Н. Сидорова впервые вводится и последовательно применяется понятие нейтрализации фонем. Это понятие в его эксплицитной форме еще не присутствовало в работах Н.Ф. Яковлева, прямого предшественника МФШ. Понятие нейтрализации повлекло за собой разграничение вариаций и вариантов фонем, что явилось очень важным открытием, по которому и всю теорию МФШ называют "теорией вариантов и вариаций". В формулировке Р.И. Аванесова и В.Н. Сидорова, а также А.А. Реформатского, А.М. Сухотина и П.С. Кузнецова эта теория стала применяться для анализа и последовательного описания различных фонетических систем.

Еще И.А. Бодуэн де Куртенэ понимал грамматику широко – "как рассмотрение строя и состава языка (анализ языков)", относя к ней и фонологию. "Сообразно постепенному анализу языка, – говорил И.А. Бодуэн де Куртенэ, – можно разделить грамматику на три большие части: 1) фонологию (фонетику), или звукоучение, 2) словообразование в самом обширном смысле этого слова и 3) синтаксис" [Бодуэн де Куртенэ 1963: 63–64]. Н.С. Трубецкой считал фонологию также частью грамма-

тики, подчеркивая, что фонетика и фонология как учение о функциях звуковых противопоставлений представляют собой две отрасли одной и той же науки, которая должна исследовать функции противопоставления лингвистических значимостей, причем все отрасли этой науки применяют одинаковые методы исследования. Направление, в котором разрабатывает теорию звуков так называемая "фонологическая школа", предполагает аналогичный подход к остальным частям теории языка, предполагает новую, структурную теорию языка [Trubetzkoy 1937].

В своей книге "Очерк грамматики русского литературного языка" Р.И. Аванесов и В.Н. Сидоров объединили в разделе грамматики морфологию и синтаксис [Аванесов, Сидоров 1945]. Во введении к академической "Грамматике русского языка", также включавшей, кроме морфологии и синтаксиса (разделов грамматики), еще и фонетику, Л.В. Щерба и В.В. Виноградов писали: "Фонетика как учение о звуковой системе и звуковых изменениях языка связана как с лексикой (или лексикологией), так и с грамматикой... Поэтому фонетику можно было бы рассматривать как особую языковедческую дисциплину, смежную с грамматикой и лексикологией. Однако фонетика, изучающая звуковой строй языка, оказывается особенно тесно связанной с грамматикой и обычно рассматривается в ее составе в качестве особого раздела" [ГРЯ 1953: 14]. Другим видом практической деятельности, сыгравшей большую роль в выработке этой теории, была работа ученых в редакционной комиссии по русской орфографии. В 30-х годах выдвигались один за другим проекты усовершенствования русской орфографии. Орфографические решения, принятые в 1917 г., обладали одним общим недостатком: не обоснованные целостной лингвистической теорией, внутренне противоречивые, они страдали явной эклектичностью.

В это время была опубликована статья Р.И. Аванесова и В.Н. Сидорова "Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка" (1930), в которой были впервые изложены основные положения МФШ как по теории орфографии, так и по фонологии. Авторы впервые формулируют основной принцип русского письма: русская орфография фонематична. Авторы писали: "Фонологическое письмо отвечает социальной природе языка, потому что оно передает не звуки в отрыве от их значения, а фонемы. Поэтому фонологическое письмо в отличие от фонетического основано не на соответствии буквы и звука, а на соответствии буквы и фонемы" [Аванесов, Сидоров 1970а: 151].

Совершенствование орфографии и привнесение в нее большей последовательности связано с усилением фонематического принципа. Соавторы орфографической реформы утверждают, что "...проект о новом правописании ясно показывает его преобладающий морфологический (фонологический) характер. При дальнейшей разработке морфологический принцип должен быть проведен более последовательно, так как только этот принцип может быть положен в основу рациональной орфографии" [Аванесов, Сидоров 1970а: 156]. Исходя из этого принципа и делается ряд предложений. Вопрос о том, нужна ли и своевременна ли реформа орфографии, решают не только лингвисты, но общество в целом. Проблемы упорядочения русской орфографии привлекали В.Н. Сидорова и позже, в частности им написана в 1953 г. в соавторстве с И.С. Ильинской статья "Современное русское правописание" [Ильинская, Сидоров 1953]. Последние несколько лет своей жизни Владимир Николаевич Сидоров отдал наиболее любимой им дисциплине – исторической фонетике русского языка. Значительный интерес представляют такие его работы, как книга "Из истории звуков русского языка" [Сидоров 1966] и вышедшая посмертно "Из русской исторической фонетики" [Сидоров 1969]. Историческая проблематика получила освещение и в таких работах В.Н. Сидорова, как "Предисловие" к книге А. Вайана "Руководство по старославянскому языку" [Сидоров 1952б], "Редуцированные гласные ъ и ѣ в древнерусском языке XI в." [Сидоров 1953], "О предупредных гласных в говоре Москвы XVI в." [Сидоров 1965] и др.

Из воспоминаний С.Н. Боруновой: "В пору моего знакомства с В.Н. он работал над вопросами исторической фонетики. Интерес к истории языка, сохранившийся у В.Н.

на протяжении всей жизни, по его словам, определился уже в университете. Тогда курса современного русского языка еще не читали вообще, а преподавание истории языка имело глубокую традицию. Но лингвистом, как считал сам В.Н., он стал случайно: в юности он увлекался многим, увлекся как-то и палеографией. Это привело его в Московский университет на этнологический факультет (отделение языка и литературы), где он заинтересовался лекциями А.М. Селищева..." [Борунова 1996: 74].

Книга "Из истории звуков русского языка" [Сидоров 1966] получила признание и высокую оценку как у отечественных филологов, так и за рубежом. Содержание данного труда составляют следующие вопросы: редуцированные гласные *ѣ* и *ѥ* в древнерусском языке XI в.; из истории сочетаний типа **tɔrt* в русском языке (возникновение мягкости *ɾ'* перед задненебными и твердыми губными согласными); умеренное яканье в среднерусских говорах и севернорусское ёканье; об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах.

В первом очерке "Редуцированные гласные *ѣ* и *ѥ* в древнерусском языке XI в." Владимир Николаевич Сидоров убедительно показал, что в XI в. *ѣ/ѥ* еще отличались от *о/е*, падение редуцированных шло через стадию сосуществования систем: "полный стиль", где есть редуцированные, и "беглая речь", где редуцированные отсутствуют – путем генерализации второй системы. Следы падения редуцированных и их совпадения с *о/е* в памятниках письменности до XII в. – не обязательно "македонизмы", а черты второго стиля [Сидоров 1966: 66]. Здесь, как и во всей книге, В.Н. Сидоров отстаивает линию Соболевского – Васильева, линию доверия к памятникам письменности.

Во втором очерке "Из истории сочетаний типа *tɔrt* в русском языке (возникновение мягкости *ɾ'* перед задненебными и твердыми губными согласными)" В.Н. Сидоров нашел простое решение вопроса о мягкости *ɾ'* перед задненебными и твердыми губными согласными. Он показал, что вообще в русском языке и его говорах позиция перед зубными является позицией неразличения для категории мягкости всех зубных (в том числе и *ɾ*) в отличие от позиции перед задненебными и губными. Иными словами, отсутствие мягкости в словах типа *зерно* объясняется позднейшим отверждением, как, например, в словах типа *бедный* (< **b'ēd'ŋpъjъ*); этот тип слов следует отличать от слов *вер'ба*, *цер'ковь*, *вер'х* (ср. также *редька*, *деньга*, *тьма* и т.п.). Тем самым убедительно доказана искомая последовательность смягчения *ɾ* в прежних сочетаниях типа *tɔrt* [Сидоров 1966: 4–48].

Во втором и третьем очерках – "Умеренное яканье в среднерусских говорах и севернорусское ёканье" и "Об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах" – Владимир Николаевич Сидоров показывает, что среднерусское умеренное яканье произошло из ёканья севернорусских говоров, и рисует возможные пути развития иканья. Убедительность данной гипотезы подкрепляется тем, что гипотетически предсказываемые В.Н. Сидоровым разновидности умеренного яканья были обнаружены как реально существующие [Журавлев 1968]. Значение данной книги выходит далеко за пределы вышеупомянутых проблем: здесь решается ряд важнейших вопросов русской диалектологии и исторической фонетики – происхождение средневеликорусских говоров, относительная хронология перехода *е > 'о*, судьба **е*, **ѣ*, **ѥ* перед мягкими и твердыми согласными, судьба **е* перед двумя согласными, генезис второго полногласия, причины перехода *tɔrt > tɔrt*, передвижка границы слога в связи с падением редуцированных, различие ассимилятивных процессов у категории мягкости и звонкости и многое другое. По мнению В.Н. Журавлева, "каждый вопрос, каждое новое положение, выдвигаемое автором, обосновано и связано с другими вопросами, обсуждаемыми в книге, одно положение как бы само собой вытекает из другого, из всей книги в целом" [Журавлев 1968: 131]. Значение книги заключается в том, что В.Н. Сидорову удалось поставить в ней центральную проблему русской исторической фонетики. С позиции В.Н. Сидорова, это проблема перехода *е > 'о* перед твердыми согласными. Окончательно данная проблема в книге

не выясняется, но решение подготавливается рассмотрением поставленных здесь задач. Каковы же перспективы решения данной проблемы и почему именно эта проблема является действительно центральной в истории русского языка? В данной книге В.Н. Сидоров, вопреки мнению акад. А.А. Шахматова, развивает положение, согласно которому переход *e > 'o* представляется явлением не дописменной, а более поздней эпохи, когда в результате падения слабых редуцированных появились закрытые слоги и нарушился принцип слогового сингармонизма. Следовательно, переход *e > 'o* – процесс, имевший место лишь после падения редуцированных гласных. Основанием для такого заключения служит предпосылка о последовательности осуществления принципа слогового сингармонизма в древнерусском языке (именно поэтому так важно было доказать последовательность смягчения *r* из прежних сочетаний типа *ьrŕŕ*). Разрушение сингармонизма связано с падением редуцированных. Поэтому переход *e > 'o*, противоречащий принципу сингармонизма, и "следует относить ко времени после утраты редуцированных гласных" [Сидоров 1966: 4]. Вот почему для В.Н. Сидорова столь важно еще раз уточнить абсолютную хронологию процесса падения редуцированных, относительную хронологию процесса *e > 'o*, т.е. еще раз обсудить те явления, которые так или иначе связаны с этим процессом, а главное – еще раз проверить возможные связи данного процесса с яканьем и иканьем.

Таким образом, русский переход *e > 'o*, как и генезис умеренного яканья, являются лишь проявлением внутреннего процесса распада группового сингармонизма, группофонем, процесса формирования автономных по тембру согласных и гласных фонем (прежде всего – процесса формирования категории мягкости согласных в русском языке). Процесс перехода *e > 'o* и процесс падения редуцированных равноправны, это два проявления одной и той же более общей тенденции. "Поэтому совершенно прав В.Н. Сидоров, ставя процесс *e > 'o* во главу угла истории русского языка, ибо падение редуцированных – процесс общеславянский, процесс же *e > 'o* – собственно русский (даже в украинском языке специфика перехода *e > 'o* несколько иная, распространенность – меньшая; не случайно и категория мягкости согласных там имеет несколько иной характер – отверждение согласных перед гласными переднего ряда, совпадение **i* и **y*, отверждение губных перед задним гласным из прежнего переднего – *mjáco* и т.п.)" [Журавлев 1968: 133].

Принцип умеренного яканья состоит в том, что в первом предударном слоге после мягких согласных на месте гласных фонем неверхнего подъема перед твердыми согласными произносится [a], а перед мягкими – [и] ([и] произносится также и перед группой согласных, последний из которых является мягким – например, *л'икл'и́*, в *в'идр'и́*, *э'имл'и́*, *с'истр'и́* – это, по всей вероятности, может быть объяснено тем, что согласные, находящиеся перед мягким, являются хотя и не палатализованными, но полумягкими [Дурново 1903] или просто нейтральными (невсляризованными) [Сидоров 1966: 139].

Возникновение умеренного яканья в исторической фонетике принято объяснять наслоением недиссимильативного аканья-яканья на окающую модель владими́ро-поволжского типа. Эта концепция, предложенная Е. Будде [Будде 1896], получила развитие в работах В.Н. Сидорова [Сидоров 1951; 1966].

Как полагал Е. Будде, а вслед за ним и В.Н. Сидоров, современные диалекты с умеренным яканьем (по крайней мере, та их часть, которая расположена на границе с окающими владими́ро-поволжскими говорами) были изначально севернорусскими говорами с произношением [o] перед твердыми согласными и [e] перед мягкими на месте **e* и **ь*, так и **ъ* (т.е. *л'осл'у́*, *в'ол'а́* и в *л'осл'у́*, *л'ок'а́* при *л'ес'и́*, *л'ек'и́*). Под влиянием акающей модели, в которой безударное [o] отсутствует, в этих диалектах стали произносить [a] на месте любого [o], в том числе и после мягких согласных (а также [и] на месте [e]): т.е. *л'асл'у́*, *в'ал'а́* и в *л'асл'у́*, *л'ак'а́* при *л'ис'и́*, *л'ик'и́*. "В результате образовался говор, представляющий собой по существу акающий слепок, отлитый по окающей модели" [Сидоров 1966: 105]. Однако такая система еще не есть умеренное яканье, так как во владими́ро-поволжских говорах этого

типа (в отличие от северо-восточных – костромских, вологодских, архангельских) на месте предударного /а/ произносится [а] как перед твердым, так и перед мягким согласным (п[’а]так, п[’а]ти), а в говорах с умеренным яканьем в словах типа *пряди, пяти, в грязи, глядят* предударная /а/ реализуется звуком [и] ([п’ит’й]). Этот факт, как и разнообразные диссимилятивные модели, приходится объяснять аналогичным выравниванием: "В результате замещения предударного [е] (из старых *е* и *ѣ* гласною [и] эта последняя в положении между мягкими согласными получила огромное численное преобладание над относительно редкой здесь гласной [’а]. Это, по всей вероятности, и послужило причиной постепенного вытеснения редкого звука [’а] наиболее частым и привычным в данном положении звуком [и]. Иными словами, система современного умеренного яканья образовалась в результате обобщения гласной [и] между мягкими согласными, поскольку в говорах с первичным умеренным яканьем гласная [’а] произносилась в предударном слоге между мягкими согласными только в соответствии с этимологическим [’а], во всех же прочих случаях произносилось [и]" [Сидоров 1966: 108].

По мнению некоторых современных диалектологов, слабым местом предложенной интерпретации умеренного яканья как наслоения недиссимилятивного аканья-яканья на окающую модель именно владими́ро-поволжского типа является то, что говоры с последовательным произношением безударного [’о] на месте *ѣ* встречаются достаточно редко (по сравнению с умеренно *якающими* говорами), при этом реализация *ѣ* как [’о] в значительной степени лексикализована [Скобликова 1962], умеренное же яканье распространено на довольно широкой территории, включая говоры Московской и Тульской областей, не связанные с владими́ро-поволжскими говорами географически. И в восточной части территории распространения умеренно-*якающих* диалектов "говоры с различием гласных владими́рско-поволжского типа нигде (кроме небольшого пространства около Касимова) непосредственно не граничат с умеренным яканьем" [ОСНЦГ 1970: 342]. Кроме того, "современные процессы перехода от вокализма с различием гласных к вокализму с неразличием этих же гласных не ведут к формированию умеренного яканья... От вокализма с различием гласных владими́ро-поволжского типа обычно наблюдается переход к *еканью* и *иканью*" [ОСНЦГ 1970: 342].

Поэтому некоторыми диалектологами предполагается, что умеренное яканье является просто результатом действия в говоре с сильным аканьем-яканьем тенденции к зависимости качества предударного гласного (в том числе и реализаций /а/) от твердости/мягкости последующего согласного, а не наложением аканья на какую-то определенную модель окающего вокализма после мягких согласных (хотя в говорах, соседних с владими́ро-поволжскими, развитие умеренного яканья могло быть поддержано наличием сходной модели безударного вокализма после мягких согласных). Взгляды на возможность происхождения умеренного яканья вне связи с влиянием владими́ро-поволжской модели безударного вокализма изложены в такой работе, как, например, "Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда Московской губернии" [Дурново 1918]. Считается, что такая интерпретация механизма возникновения умеренного яканья совершенно не противоречит общей идеологии гипотезы В.Н. Сидорова [Князев 2001].

Вторая книга "Из русской исторической фонетики" [Сидоров 1969], посвященная истории вокализма русского языка, была выполнена В.Н. Сидоровым в Секторе истории русского литературного языка Института русского языка АН СССР и утверждена к печати Ученым Советом Института в декабре 1967 г. Данный труд является естественным продолжением занятий Владимира Николаевича Сидорова в этой области. Рассматриваемые в ней вопросы касаются процессов, относящихся к русскому языку в целом.

Подготавливая книгу к печати, Владимир Николаевич Сидоров работал над ее рукописью буквально до последних дней жизни. Он не успел полностью ее закончить. Впрочем, как писали его современники, поставить точку Владимиру Николаевичу

Сидорову всегда было трудно. Разрешение одной задачи влекло его творческую энергию к разрешению других, еще более сложных задач, к проникновению в еще большие глубины изучаемого явления, и вопрос, который, казалось, был уже полностью исчерпан, получал подчас еще какое-то дополнительное освещение, какой-то новый поворот. Так было и когда он писал, и когда говорил, с присущей ему страстностью и безупречной логикой, выдвигая все новые и новые аргументы в пользу того или иного положения.

Первая работа в этой книге была издана в том виде, как она была подготовлена автором. Она начинается с возражения С.И. Коткова против гипотезы автора о происхождении умеренного яканья в средневековых говорах, начинается сразу, без всякого вступления и предварительного напоминания основных положений этой гипотезы. Для В.Н. Сидорова, страстного полемиста, не оставлявшего без внимания ни одного критического замечания, касавшегося его работ, такое начало характерно. Он должен был прежде всего ответить своему оппоненту, найти новые подтверждения своих положений или же отказаться от них. Повторять же самого себя, писать о том, что уже было им сказано, ему было неинтересно.

В книге рассматриваются важные проблемы исторической фонетики русского языка: изменение предупредного *е* в *и* в акающих говорах; два пути образования умеренного яканья из ёканья; о некоторых случаях изменения предупредного *е* в *и* в русских говорах; утрата фонемы *ѣ* южнорусским наречием; утрата фонемы *ѣ* владимирско-поволжскими говорами; к вопросу о языке протопопа Аввакума; волоколамское ёканье по грамотам XV–XVIII вв.; о времени перехода города Москвы к аканю; ёканье в южнорусском наречии XVII в.; об одном случае позиционно не обусловленного изменения гласных в севернорусских говорах.

Данные о времени перехода от ёканья к иканью в литературном произношении (на стыке XIX–XX вв.) Владимир Николаевич Сидоров получил от Д.Н. Ушакова: Ф.Ф. Фортунатов и Ф.Е. Корш еще екали, а их ученики – Д.Н. Ушаков, Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов – уже икали, и Ф.Е. Корш шутливо дразнил их питухами (имелись в виду не только икальцы, но и выпивохи) [Сидоров 1969]. Существующие объяснения причин перехода к иканью В.Н. Сидорова не удовлетворяли. К неубедительным предположениям он относил представление о том, что ёканье сменилось иканьем в результате усилившейся в XIX в. редукции гласных, поскольку *е* и *и* – гласные полного образования и *и* не может быть результатом редукции *е* [Борунова 2000].

Владимир Николаевич Сидоров живо интересовался историей формирования московского говора, на основе которого сложилось русское литературное произношение. По многим лингвистическим вопросам он имел свое мнение, сложившееся в результате собственных наблюдений и размышлений, нередко не совпадавшее с утвердившимися в науке положениями. Так, В.Н. Сидоров не разделял предположения А.А. Шахматова о том, что в Москве XIV–XV вв. социальное расслоение населения было связано с расслоением диалектным (одни окали, другие акали): высшие классы употребляли севернорусское наречие, а низшие классы – восточнорусское. Р.И. Аванесов упоминал еще и о культурном неравенстве между окальщиками и акальщиками. Владимир Николаевич Сидоров считал, что "культурного и социально-экономического превосходства окальщиков над акальщиками не было", и сомневался, что так вообще бывает [Борунова 1996].

В.А. Богородицкий полагал, что помимо политических причин, обусловивших определяющую роль московского говора в истории русского литературного языка, существует и собственно языковая: умеренное по своим фонетическим особенностям московское наречие представляет собой средний звуковой тип между русскими диалектами.

С позиции В.Н. Сидорова, роль Москвы в формировании литературного произношения определялась исключительно внеязыковыми причинами: "средний звуковой тип" московского говора продиктован исторически сложившимися условиями и географическим положением Москвы. До XVI в. говор Москвы представлял собой ти-

пичный северный говор, в котором не отмечалось признаков южного варианта произношения (прежде всего аканья и др.). Преобразование этого северного говора произошло в течение относительно короткого периода на стыке XVI–XVII вв. В результате внутренней политики Ивана Грозного оказавшее население Москвы и близлежащих территорий значительно сократилось. Позже в данную местность стали интенсивно приезжать представители акающего произношения. Их количество по сравнению с предшествующими эпохами значительно возросло. Данный факт и определил последующее закрепление и развитие в Москве умеренного аканья, так как принцип аканья проще принципа оканья: не различать в произношении *о* и *а* (*вода* – *трава*) проще, чем различать. Казалось бы, возможно только одно направление эволюции фонетической системы – от оканья к аканью. Но если бы Москва, будучи столицей, находилась не на границе с акающими говорами, а в сплошном окружении северных говоров, то вполне допустимо, что литературным считалось бы акающее произношение, чоканье или цоканье, а аканье, в свою очередь, диалектным.

С.Н. Борунова пишет: «Отводя Москве, а не Петербургу определяющую роль в формировании литературного произношения, Владимир Николаевич ссылаясь на то, что старомосковское произношение опиралось на живую речь "московских прозвирен", в то время как Петербург не имел никакой диалектной основы. Если в Петербург Штольцы и Адуевы съезжались отовсюду, то московская интеллигенция в большинстве своем состояла из коренных москвичей: Грановский, Огарев, Станкевич, Ключевский выросли в Москве и прожили всю жизнь рядом с Московским университетом. В отличие от Москвы Петербург, имея пестрое по составу население, не мог задавать тон в образовании литературного произношения. Для выработки единой орфоэпии он должен был сам искать опору вне своей языковой среды и находил ее в произношении второй столицы – Москвы, а также в ориентации на книжную речь» [Борунова 1996: 75].

Существующие объяснения причин распространения иканья в Москве Владимира Николаевича Сидорова не удовлетворяли. Так, Л.В. Щерба считал, что после усиления роли Москвы "икальцы" стали стекаться к ней в большом количестве, а *е* литературного языка начинает подвергаться большой опасности. Владимир Николаевич не был согласен с точкой зрения Л.В. Щербы и утверждал, что процесс перехода еканья в иканье начался именно в Москве и узкой полосе среднерусских говоров вокруг Москвы, поэтому икальцам неоткуда было стекаться в большом количестве.

С работами по исторической фонетике и фонологии тесно связаны исследования В.Н. Сидорова в области современных русских говоров, относящихся к разным диалектным группам [Сидоров 1927; 1949; 1951б; 1952а; Аванесов, Сидоров 1931]. В.Н. Сидорова также интересовали вопросы морфологии (см., например [Аванесов, Сидоров 1945; Сидоров 1951а]), к решению которых он подходил с позиций Московской лингвистической школы (учение о форме слова и теория грамматических классов слов). Рассматривая язык как единое целое в "Очерке грамматики русского литературного языка" (раздел "Морфология") [Аванесов, Сидоров 1945] при описании частей речи и их классификации, В.Н. Сидоров широко использовал метод противопоставлений. Так, пять самостоятельных частей речи (имена существительное, прилагательное, числительное; наречие и глагол), будучи противопоставлены друг другу по значениям и формам, образуют систему, которой определяются основные черты морфологии русского языка.

Владимир Николаевич Сидоров впервые в отечественной русистике применил метод оппозиционного анализа, получивший в 30-е годы достаточно широкое распространение. Анализируя значения форм числа существительного, а также значения глаголов совершенного и несовершенного видов, автор отмечал особенности существующих между ними отношений противопоставления, известных под названием привативных оппозиций. Например, формы множественного числа существительных содержат указание на то, что предметы взяты в некотором количестве, в формах же единственного числа указание на какое-либо количество отсутствует. При противопо-

ставлении глаголов совершенного и несовершенного видов обнаруживается, что первые выражают называемый ими процесс как законченный, а вторые – без указания на его законченность.

В "Очерке" впервые дается детальная классификация непродуктивных глаголов, обладающих таким соотношением основ настоящего и прошедшего времени, которое не является моделью для образования новых глаголов. Данная классификация – результат исследования о глаголах непродуктивных классов в современном русском литературном языке (это исследование стало предметом кандидатской диссертации, защищенной В.Н. Сидоровым в 1944 г.).

Владимира Николаевича Сидорова интересовали проблемы словообразования как сами по себе, так и в их отношении к грамматике и лексике. Он считал, во-первых, что задача любой научной дисциплины (в данном случае словообразования) состоит в определении и отграничении области своего изучения, во-вторых, в необходимости отделять синхронию от диахронии.

Вопросы синтаксиса, лексикологии, стилистики и лексикографии не были в центре научных интересов Владимира Николаевича Сидорова, но они живо его интересовали. В 1949 г. им была опубликована совместно с И.С. Ильинской статья "К вопросу о выражении субъекта и объекта действия в современном русском литературном языке" [Ильинская, Сидоров 1949]; он участвовал в работе грамматистов-синтаксистов в Институте русского языка на первых этапах создания академической грамматики (1952). Владимир Николаевич Сидоров считал, что проблема правильности в языке всецело связана с его коммуникативной функцией. Он исходил из положения, что "стилистическое средство обязательно для всех говорящих" ("в языке все обязательно, а в речи произвольно"), и понимал стиль как категорию исторически обусловленную. Поэтому он соглашался с утверждением М.В. Панова о том, что эканье, ослабление ассимилятивного смягчения согласных, произношение безударных гласных без качественной редукции – недостаточно выразительные приметы высокого стиля, т.к. есть носители литературного языка, пользующиеся этими вариантами нормы в нейтральной речи. Но основная причина стилистической невыразительности указанных фонетических черт, по мнению Владимира Николаевича Сидорова, в том, что их историческая судьба не благоприятствовала их возвышению. Не было исторических причин для того, чтобы эти фонетические черты стали "высокими".

В сферу интересов В.Н. Сидорова входило также исследование роли славянизмов в современном русском языке. По его мнению, ограниченное употребление данного пласта лексики во второй половине XX в. никоим образом нельзя считать положительным явлением языкового развития. В это время в торжественных ситуациях преимущественно используются метафоры и гиперболы вместо таких собственно языковых стилистических средств, как славянизмы. Попытку символистов в первой половине XX в. вновь ввести в употребление данное стилистическое средство русского языка В.Н. Сидоров оценивал положительно.

Возглавив в 1950 г. группу, занимавшуюся составлением "Словаря языка Пушкина", Владимир Николаевич Сидоров принял активнейшее участие в подготовке и издании одного из лучших в России лексикографических трудов – "Словаря языка Пушкина", т. 1. А–Ж, т. 2. З–Н, т. 3. О–Р. Кроме авторской работы в составе коллектива лексикографов, В.Н. Сидоров провел также научное редактирование 2–3 томов словаря. В начальный же период работы над этой темой В.Н. Сидоров совместно с Г.О. Винокуром, А.Д. Григорьевой и И.С. Ильинской участвовал в подготовке "Проекта словаря языка Пушкина".

В этой работе проявилась характерная черта Владимира Николаевича Сидорова – стремление к обобщению рассматриваемых фактов, поиски определенных закономерностей в развитии значений отдельных слов, стремление обосновать лексикологический анализ исходя из системы самого языка, из функционирования его лексических категорий.

По инициативе В.Н. Сидорова была проведена большая работа по составлению дополнительного тома Словаря, охватывающего текст черновых рукописей и вариантов произведений Пушкина. Этот том, завершающий лексикографическую работу над языком произведений Пушкина, вышел в свет в 1982 г. под названием "Новые материалы к словарю А.С. Пушкина".

Жизнь В.Н. Сидорова была полна трудностей различного рода. В 1934 г. он был арестован и проходил по делу Дурново ("дело славистов-евразийцев"). В 1927 г. Н.Н. Дурново был арестован и осужден за связь с Н.С. Трубецким и Р.О. Якобсоном. Н.Н. Дурново погиб на Соловках. Осудили и всех, кто с ним общался. Владимиру Николаевичу Сидорову предъявили нелепые обвинения в участии в организации "филологического правительства". Владимир Николаевич Сидоров испытал всю тяжесть тюрьмы, лагеря и ссылки, но не сломался. По воспоминаниям С.Н. Боруновой: "Он выстоял и в период, говоря словами А.А. Реформатского, злого Марровского лихолетья. В Институте русского языка АН СССР, где В.Н. работал с 1944 г., не сдались только трое: П.С. Кузнецов, М.Н. Петерсон и В.Н. Их научную карьеру спасла дискуссия 1950 г. ..." [Борунова 2000: 332].

По воспоминаниям его учеников, у Владимира Николаевича Сидорова был трезвый критический ум. Это позволяло ему видеть недостатки в работах очень авторитетных ученых (А.А. Шахматова, В.А. Богородицкого, С.П. Обнорского, Л.В. Щербы, П.С. Кузнецова, Р.И. Аванесова) и иметь свою оригинальную точку зрения по разным лингвистическим вопросам, в частности, о формировании литературного произношения, о причинах и времени распространения аканья в московском говоре и т. д. И в учениках Владимир Николаевич Сидоров воспитывал критическое отношение к языковым явлениям и их лингвистической интерпретации [Борунова 1996; 2000].

В общении с коллегами Владимир Николаевич Сидоров никогда не принимал позы учителя, ментора. При возможной суровости критика и горячности полемиста он всегда был удивительно доброжелателен и щедр. Мгновенно улавливая ход рассуждений своего собеседника, он тут же замечал слабые места выдвигаемых им положений, подсказывал путь дальнейшей работы, а иногда даже и возможное решение вопроса, не жалея при этом ни собственных наблюдений, ни своего материала. Творческая активность и удивительное бескорыстие, непримиримость ученого и доброжелательность человека – все это отличало Владимира Николаевича Сидорова и привлекало к нему людей разных возрастов и служебных положений [Плотникова 1983].

В заключение следует еще раз перечислить основные капитальные работы В.Н. Сидорова: "Говоры Верхнего Поветлужья. Фонетика и диалектные группы" [Аванесов, Сидоров 1931]; "Очерк грамматики русского литературного языка. Ч. 1. Фонетика и морфология" [Аванесов, Сидоров 1945]; "Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка" [Аванесов, Сидоров 1970а]; "Система фонем русского языка" [Аванесов, Сидоров 1970б]; "Из истории звуков русского языка" [Сидоров 1966]; "Из русской исторической фонетики" [Сидоров 1969]. Владимир Николаевич Сидоров оставил неизгладимый след в области диалектологии и истории русского языка, в частности, значительный интерес представляют его работы по исторической фонетике. Он был награжден медалями "За трудовую доблесть" и "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов, Сидоров 1931 – Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров. Говоры Верхнего Поветлужья. Фонетика и диалектные группы. Нижний Новгород, 1931.
- Аванесов, Сидоров 1945 – Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. М., 1945.
- Аванесов, Сидоров 1970а – Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров. Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка // А.А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М., 1970.

- Аванссов, Сидоров 1970б – *Р И Аванссов, В Н Сидоров* Система фонем русского языка // А А Реформатский Из истории отечественной фонологии Очерк Хрестоматия М, 1970
- Бодуэн де Куртене 1963 – *И А Бодуэн де Куртене* Некоторые общие замечания о языковедении и языке // И А Бодуэн де Куртене Избр Труды по общему языкознанию Т 1 М, 1963
- Борунова 1996 – *С Н Борунова* Воспоминания об учителе – В Н Сидорове // ИАН СЛЯ 1996 № 2
- Борунова 2000 – *С Н Борунова* Владимир Николаевич Сидоров // Фортунатовский сборник Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Московской лингвистической школы 1897–1997 гг М, 2000
- Будде 1896 – *Е Будде* К истории великорусских говоров Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии Казань, 1896
- ГРЯ 1953 – Грамматика русского языка Т 1 Фонетика и морфология М, 1953
- Дурново 1903 – *Н Н Дурново* Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда Московской губернии Варшава, 1903
- Дурново 1918 – *Н Н Дурново* Диалектологические разыскания в области великорусских говоров Часть 1 Южновеликорусское наречие Вып 2 М, 1918
- Журавлев 1968 – *В К Журавлев В Н Сидоров* Из истории звуков русского языка // ВЯ 1968 № 1
- Ильинская, Сидоров 1949 – *И С Ильинская, В Н Сидоров* К вопросу о выражении субъекта и объекта действия в современном русском литературном языке // ИЮЛЯ 1949 Вып 4
- Ильинская, Сидоров 1953 – *И С Ильинская, В Н Сидоров* Современное русское правописание // Ученые зап Моск гор Пед ин-та им В П Потемкина Т XXII Вып 2 М, 1953
- Князев 2001 – *С В Князев* К истории формирования некоторых типов аканья и яканья в русском языке // Вопросы русского языкознания Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах М, 2001
- ОСНиСГ 1970 – Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (по материалам лингвистической географии) М, 1970
- Плотникова 1983 – *В А Плотникова* Владимир Николаевич Сидоров // Русская речь 1983 № 6
- Потанов 2003а – *В В Потанов* Научный вклад В Н Сидорова в русистику // Вестник Московского университета Сер 9 Филология 2003 № 1
- Потанов 2003б – *В В Потанов В Н Сидоров* // Отечественные лингвисты XX века Ч 2 М, 2003
- Сидоров 1927 – *В Н Сидоров* Описание говора западной половины Воскресенского уезда и Ореховской волости Можайского уезда Московской губернии // Труды ПКДРЯ Вып 9 Л, 1927
- Сидоров 1949 – *В Н Сидоров* Наблюдения над языком одного из говоров рязанской Мещеры // Материалы и исследования по русской диалектологии Т 1 М, 1949
- Сидоров 1951а – *В Н Сидоров* Непродуктивные классы глагола в современном русском литературном языке // Русский язык в школе 1951 № 5
- Сидоров 1951б – *В Н Сидоров* О происхождении умеренного яканья в среднерусских говорах // ИАН ОЛЯ Т 10 Вып 2 М, 1951
- Сидоров 1952а – *В Н Сидоров* Об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР Вып 2 1952
- Сидоров 1952б – *В Н Сидоров* Предисловие к кн *А Вайин* Руководство по старославянскому языку М, 1952
- Сидоров 1953 – *В Н Сидоров* Редуцированные гласные ъ и ь в древнерусском языке XI в // Труды Института языкознания АН СССР Т 2 М, 1953
- Сидоров 1965 – *В Н Сидоров* О предупредительных гласных в говоре Москвы XVI в // ПСФ М, 1965
- Сидоров 1966 – *В Н Сидоров* Из истории звуков русского языка М, 1966
- Сидоров 1969 – *В Н Сидоров* Из русской исторической фонетики М, 1969
- Скобликова 1962 – *Е С Скобликова* О судьбе этимологического *ѣ* в первом предупредительном слоге перед твердым согласным в говорах владимирско-поволжской группы // Материалы и исследования по русской диалектологии Новая серия Т III М, 1962
- Trubetzkoy 1937 – *N Trubetzkoy* Über eine neue Kritik des Phonembegriffes // Archiv für vergleichende Phonetik 1937 Bd I Hf 3